

© Д.Н. Караева

ФУТБОЛ: ИДЕНТИЧНОСТИ АНГЛИИ И ЕЕ СЕВЕРА

Ключевые слова: Северная Англия, английскость, национализм, спорт, региональная/локальная идентичность, футбол, фанатская культура, хулиганизм

Статья представляет некоторые результаты проекта по историко-антропологическому изучению дискурса английской идентичности в ее государственной, национальной и региональной проекциях на материалах Северной Англии. Каким образом футбол и фанатская культура ритуализируют общину и презентуют идентичность? Каковы качество и природа аффективного фанатского сообщества? Как это связано с вопросами локальности, нации, расы? Исследование основано на полевых материалах автора 2010–2016 гг., других текстовых и визуальных источниках.

DOI: 10.7868/S0869541518020033

Идентичность сегодня становится центральным понятием гуманитарных наук, что, конечно, не случайно. Самоопределение человека, ощущение им собственной целостности непосредственно связаны с идентичностью. Вслед за М.Н. Губогло, И.С. Коном, В.А. Тишковым, Е.И. Филипповой (*Губогло* 2003; *Кон* 1984; *Тишков* 2013; *Филиппова* 2010) под этим понятием мы понимаем систему групповых отношений, комплекс представлений, тесно связанных с образом территории. Анализ современной литературы о региональной идентичности говорит об использовании этого термина в значении одной из форм коллективной идентичности, обращаемой к территории – реальной или мифической (*Royle* 1998; *Замятин* 2006). Англичане (представители бывшей так наз. титульной нации) несомненно обладают идентичностью, характерной для современного западноевропейского общества (“нарративной идентичностью”; *Филиппова* 2010). Возникающий в определенной среде и обстоятельствах дискурс идентичности в своем изучении требует контекстной экспертизы существующих представлений и презентаций самого этого понятия.

С 1960-х годов и до сегодняшнего дня в историографии Великобритании и всего мира наблюдается всплеск интереса к изучению спорта. Первоначально связанный с исследованиями национализма, мультикультурализма, расизма и хулиганизма в последнее время он смещается в сторону антропологического смысла спорта (*Brown* 1998; *Back et al.* 2001; *Wagg* 2008; *Bolin, Granskog* 2003; см. также материалы журналов “*Soccer and Society*”, “*Anthropology of Sport*”, “*Journal of Sport & Social Issues*” за 1990–2000-е годы), который в этом случае рассматривается не только как феномен, разделяющий британцев на отдельные команды-сообщества Англии, Шотландии и т.д., но и как средство выражения национальных и локальных ценностей. Посещение матча – это единение с аффективным сообществом. Среди авторов закрепилось мнение, что базовой составляющей североанглийской идентичности и ее локальных вариантов является интерес к спорту (особенно футболу, регби и крикету) (см., напр.: *Russell* 2004; *Hill, Williams* 1996).

Дина Николаевна Караева | <http://orcid.org/0000-0002-3876-0975> | dina.karavaeva@bk.ru | к. и. н., научный сотрудник | Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (ул. Софьи Ковалевской 16, Екатеринбург, 620990, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РГНФ, <https://doi.org/10.13039/100009094> [проект № 16-31-01106]

Таблица 1

Состав интервьюируемых

Категории	Происхождение		Всего
	европейское	азиатское и карибское	
Болельщики клубов	122	13	135
Sunderland	37 (22 мужчины, 5 женщин)	3 (мужчины)	40
Newcastle	23 (10 мужчин, 3 женщины)	3 (мужчины)	26
Manchester City	37 (16 мужчин, 1 женщина)	5 (мужчины)	42
Liverpool	11 (7 мужчин, 4 женщины)	2 (мужчины)	13
Middlesbrough	14 (12 мужчин, 2 женщины)	0	14
Болельщики сборной Англии (в т.ч. представители локальных клубов, перечисленных выше)	65 (54 мужчины, 11 женщин)	15 (13 мужчин, 2 женщины)	80 (67 мужчин, 13 женщин)
Игроки	4	2	6
Организаторы, менеджеры, тренеры	18	2	20
Журналисты	5	3	8
Представители фанатских организаций	14	3	17
Всего	163	23	186

В целом спорт, несмотря на его очевидное значение для коллективных идентичностей, — это малоизученная тема, требующая особых исследовательских усилий и полевых работ. Отмечая рост интереса ученых к этой проблематике, еще раз подчеркнем, что в основном он сосредоточен на фанатской культуре. В большинстве работ спорт рассматривается преимущественно в качестве сублимационного фактора, способствующего в т.ч. возникновению коллективной агрессии (см., напр.: *Millward, Poulton* 2014). Нам бы хотелось в своем изучении спорта (в данном случае футбола со всеми площадками — стадионами, барами, форумными и пр.) увидеть его как знаковую территорию “встречи” коммуникации, конкуренции и конформизма, как трибуну для обсуждения аспектов жизни сообщества, способ групповой солидарности и мобилизации населения, как место развития различных политических и культурных идеологий; проанализировать соотношения локальной (на уровне маленького городка), субрегиональной (на уровне графства и района), региональной (на уровне Северной Англии) и национальной (на уровне Англии) идентичностей.

Наше исследование этнографии и историографии фанатской культуры опирается на: 1) включенное наблюдение (стадион, паб, клуб и фанатские организации); 2) полуструктурированные и свободные интервью с фанатами (Табл. 1); 3) интервью со спортивными

организаторами, обозревателями, игроками, менеджерами (Табл. 1); 4) медийные, академические и музейные источники, связанные с криминальной историей фанатов, мультикультурализмом и расизмом, региональной идентичностью и т.д.

Спорт и нация

Любой скажет, что футбол, регби и крикет – национальные виды спорта в Англии. Здесь они были изобретены; именно англичане содействовали их популяризации и мировому признанию, превратили их в инструмент международной политики. В эпоху империализма спортивные игры способствовали приобретению коллективной идентичности и стали основной площадкой феминизации и формирования моделей мужественности (*Rumford, Wagg* 2010). Футбольный матч был исключительным событием в жизни локальной общины: на трибунах чествовали исторических и современных героев, разрешали или доводили до кульминации конфликты между жителями соседних сел и городов, гильдиями ремесленников и т.д. (*Elias, Dunning* 1972; цит. по: *Абдулкаримов* 2006: 146–147).

Сегодня любовь к спорту вообще и футболу в частности можно назвать, безусловно, общеанглийским явлением, одновременно объединяющим и разъединяющим представителей Севера и Юга, рабочего и среднего классов, иммигрантских сообществ и “коренных” жителей. Масштабы вовлеченности населения в футбольное действо (в качестве игроков и болельщиков) сложно переоценить: по количеству футбольных клубов, согласно данным ФИФА, Англия стоит на первом месте в мире (*FIFA Big Count* 2006: 12).

Со спортом, особенно футболом, неизбежно связывается множество негативных социальных явлений. Примером может служить хулиганизм, появление которого исследователи объясняют процессами деиндустриализации, кризисом идентичности рабочего класса, а также неудачами политики мультикультурализма. С конца 1970-х годов, когда в британских командах все чаще появляются чернокожие спортсмены и тренеры, в футбол проникают расизм и джингоизм. В 1990-е годы футбольный экстремизм уступает место сдержанному национализму и патриотизму, однако после взрывов в лондонском метро в 2005 г. и иммиграционных кризисов 2014–2016 гг. отмечается новый всплеск национализма вкупе с антиисламизмом, в т.ч. и на спортивных аренах (*Back et al.* 2001; *Wright* 2007; *Brimson* 2000). М. Перриман указывает, что в последние годы рост интереса к английскости и ее символам происходит в первую очередь на футбольных стадионах, которые, по его мнению, являются площадками развития крайних (правых и левых) экстремистских движений, стоящих в числе прочих у истоков возрождения политического и культурного английского национализма (*Perryman* 2008: 13). Р. Холт пишет, что футбол становится “сублимацией патриотизма среди недовольного, полуобразованного белого рабочего класса (в основном молодежи) нации, предыдущее поколение которой еще занимало лидирующие позиции и устрашало весь мир” (*Holt* 1989: 343).

При размышлении о взаимосвязи идентичности и спорта сложно не обращаться к “религиозному” аспекту последнего. Во время опросов респонденты нередко заявляли: “Обычные англичане помешаны на двух вещах – футболе и еде. Это их главные религии. И несмотря на то что Англия редко выигрывает чемпионаты мира, это страна болельщиков” (ПМА 17: Д. Валенте).

Академические авторы также проводят параллели между “литургиями” в футболе и религии. Подход К. Бромберже, например, состоит в допущении, что формирование и выражение публичных идентичностей происходит через футбол, который, несмотря на свою секулярную природу, пронизан сакральным и религиозным. Используя идеи Э. Дюркгейма о природе социальных представлений, К. Бромберже утверждает, что стиль конкретного клуба воплощает в себе особую форму коллективного бытия, коллективных представлений: “фанаты пишут историю игры, команды и собственных жизней” (*Bromberger et al.* 1993: 93). Если говорить о молодых болельщиках, то стремительное

познание ими локальных ценностей формирует представление о городе/поселке и регионе (не только у них самих, но и у других людей). Происходит не что иное, как спектакуляризация социальных отношений — общественный театр, где коллективные идентичности реально существуют, мобилизуются и меморизируются (Ibid.: 93, 100). Согласно подходу К. Милса, ритуальные практики футбольных фанатов нельзя рассматривать как проявление консерватизма, скорее, это способ создания альтернативных публичных сфер. Покупая билет на игру, болельщик пытается получить доступ к коллективному символическому (Mills 2000). Фанатская культура, консолидирующая власть традиции и идентичности неформальными средствами, лучше всего может быть описана выражением Дж. Бергера “завеса из клише” (*screen of clichés*) (Berger 1991: 72–73).

Получается, что болельщики “владеют” клубами в рамках “царства символизма и ритуала”, а реальные собственники — в рамках современных профессиональных футбольных институтов. В то же время фанатская культура обладает зачастую имплицитной структурой, кодируемой в терминах класса, расы или гендера. Представление о том, что есть норма (что “нормальный фанат” может делать, как выглядеть или откуда происходить), определяет политику и ограничивает круг тех, кто может принадлежать к сообществу, презентовать фанатское коллективное. Такой “кодекс” воплощен в принятых ритуалах, поведении во время матча, социальных связях и даже в спортивном юморе и сплетнях.

В этом контексте стадионы могут выступать сакральным местом, землей для “своих” — посвященных, преданных. Футбольное поле как некая поддерживающая историческую преемственность структура (отдельные фанаты завешают рассеять над ним свой прах) обеспечивает связь между прошлыми и настоящими героями и служит буквально и метафорически алтарем памяти и поминовения, “домом как инкарнацией прошлого” (Tuan 1996: 247). При этом идентичность может быть слабо связана с культурной экологией локаций клубов и стадионов. Тот факт, что фанаты некоторых крупных футбольных клубов, таких как “Манчестер Юнайтед” или “Манчестер Сити”, живут далеко от места их расположения (“ритуального, символического дома” — домашнего стадиона “Майн роуд” или “Сити оф Манчестер”), не делает идентификацию с ним менее значимой. Так футбольные клубы создают культурные стержни, на которые “нанизываются” идентичность и патриотизм.

Сегодня спорт является территорией проектной деятельности. Так, политики нередко пытаются использовать трибуны в качестве плацдарма для манипуляций общественным мнением: например, Д. Кэмерон в 2006 г. во время предвыборной кампании посещал футбольные матчи, демонстрируя патриотизм (Perryman 2008: 15). Спортсмены, особенно футболисты, — главные герои светских сплетен, ток-шоу, новостных или кулинарных передач, кино, а самые яркие из них (как, напр., Д. Бекхэм) по популярности сравнимы с членами королевской семьи. В этом смысле индустрию спорта, говоря о “канонизации” отдельных его феноменов и новой “колонизации” мира, исследователи сравнивают с христианством (Bragg 2008).

Спорт в Великобритании организован во имя и от имени “четырёх наций” (англичане, шотландцы, валлийцы, ирландцы) и отдельных локальных сообществ (на уровне клубов), а не всей страны. Нет и такого понятия, как сборная Великобритании по футболу, если говорить о чемпионатах мира (исключение — олимпийская сборная). В случае матча между Англией и, скажем, Алжиром шотландцы, не таясь, будут поддерживать Алжир. Для англичан же вся Британия — их территория, вотчина, империя. “Шотландцы наши братья, пускай заблудшие”, — нередко говорят они. Шотландцы болеют за свою сборную, размахивая флагом Шотландии, англичане же, особенно в Лондоне, чаще используют британский “Юнион Джек”, а не английский “Сэнт Джордж” (более популярный в регионах).

Триумфы и падения национальных команд на крупных соревнованиях оставляют неизгладимый след на идентичности. Например, заключительную игру Англии с Германией

на чемпионате мира 2010 г. в ЮАР СМИ неоднократно сравнивали с Трафальгаром и сражениями Второй мировой. После поражения появились заметки о том, что фанаты “Манчестер Юнайтед” стали массово носить золото-зеленые шарфы с символикой клуба (использовавшейся до прихода американского руководства) – в знак протеста против “иностранный вторжения” и демонстрации скорби по разрушенным надеждам после очередного досрочного (дофинального) вылета сборной Англии из чемпионата мира. Пресса цитировала болельщиков, горящих желанием вернуться к “великому английскому аутентичному футболу” (Wallace 2010: 3). И несмотря на то что на протяжении многих лет Англия не выигрывала кубок, поддержка сборной простирается за пределы футбольной сферы – это дискурс, оформленный в категориях гордости, страсти, лояльности и набора нормативных кодов и предположений, что же значит быть англичанином. Известный британский журналист и комментатор Дж. Пауэлл, сокрушаясь о назначении главным тренером сборной Англии шведа Свена-Ёрана Эрикссона, писал: “Итак, мать футбола, место рождения величайшей игры – унижение Англии пределов не знает” (Powell 2000: 93). М. Перриман в своих работах отмечает, что в Англии упадок футбола (на международном уровне) в некоторых аспектах и смыслах отражает и упадок символической и культурной власти Британии в мире, и такая схожесть делает восприятие этих процессов еще более болезненным (Perryman 1999).

И хотя в глобализирующемся мире уникальность понятий родины и места нередко подвергается сомнению (в связи со всеобщим распространением кебабных, джинсов и пр.), а команды Премьер-лиги могут выходить на поле без единого английского игрока, национальные сборные в Англии всегда обеспечиваются средствами на поддержку “фанатазий” и “мифов”, вокруг которых сохраняются или конструируются нации. Как пишет Э. Хобсбаум, игроки приобретают статус культурных героев и “воображаемое сообщество миллионов становится более реальным, когда оно сокращается до команды в 11 человек с конкретными именами” (Hobsbawm 1990: 143).

Для исследования идентичности национальной, безусловно, наиболее интересно рассмотреть поведение и организацию английских фанатов за границей во время поддержки сборной и контактов с болельщиками *других* стран.

В восприятии среднего и высшего классов (нередко проявляющих снобизм по отношению к этой культуре) фанаты сборной Англии ассоциируются с “агрессивной маскулинностью”, “пьянством”, “открытой демонстрацией национализма, ксенофобией и расизмом” (ПМА 29: Д. Леверс); при этом английский стиль патриотизма «определяется нашими мужчинами, валяющимися в фонтанах Рима с грязным флагом “Юнион Джек”, и футболками “Сделай это для принцессы Дианы”» (Ticher 1997).

Статус “мировых чемпионов футбольного хулиганизма”, враждебность со стороны местных властей, а также порядок организации фанатских структур клубов Англии, с которыми аффилирован практически каждый активный болельщик, делают английскую фанатскую культуру привлекательной для медиа и одновременно служат объединяющими факторами для самого сообщества. Болельщики ради чувства безопасности и общения к товариществу вынуждены объединяться в группы, искать соотечественников в местных барах и пр. Существуют специальные точки сбора, о которых тайно сообщается по “своим” каналам. Естественно, там присутствует много алкоголя и куража, “имперских комплексов” и реваншизма. В этих барах происходят ссоры и братания, разрабатываются планы конспирации и перехвата других фанатских групп и пр. Бары становятся неким проводником в мир “настоящей фанатской культуры” и “фанатской дружбы” (ПМА 43: Дж. Клоун).

Основу этого сообщества составляют мужчины 20–40 лет – болельщики конкретных клубов, путешествующие вместе и иногда объединяющиеся в большие группы (с градацией, но не иерархией). Правила поведения в рамках таких поездок определяются фанатским кодексом этих клубов. Но если клубные фанатские структуры – эксклюзивное, закрытое сообщество, то болельщики сборной Англии легко образуют кроссгрупповые

и кроссклубные связи, особенно когда основу для этого составляют их прошлые встречи и сформированная в предыдущих поездках дружба.

Фанаты придерживаются нормативного поведения и формы одежды, по-своему конформистской. Дж. Робсон пишет, что футбольный дресс-код характеризуется “перформативным стилем, резонирующим с маскулинной, рабочей традиционной культурой и ценностями бескомпромиссной твердости духа, протестного юмора (и это несмотря на наличие дизайнерских изысков от Ральфа Лорена и Армани, разрабатывающих дизайн футболок сборной)” (Robson 2000: 220). В силу специфических социальных отношений, а также нежелания женщин преодолевать большие расстояния, следуя за командой, жить в стесненных условиях, участвовать в массовых столкновениях эта сфера очень сильно маскулинизирована.

Фанатское товарищество тем сильнее, чем сильнее его агрессия по отношению к врагу. Такое поведение связано, скорее, с персональным достоинством, социальной и классовой солидарностью, гордостью и самоуважением. Конечно, речь не идет о том, что в фанатских рядах нет места националистической риторике. Однако это зачастую связано с желанием влиться в коллектив, присоединиться к общим ценностям через публичную демонстрацию каких-либо символов (расистских, напр.). Этот дискурс удобен фанатам, утверждающим, что они просто смотрят футбол и хорошо проводят время, тем более что в традиционные “белые” спортивные ценности “честной игры” (*fair play*) чернокожие болельщики или игроки, например, могут и не вписываться.

Многие исследователи указывают на важность изучения фанатской культуры в контексте “акустики толпы” (Thrills 1998). Интеракция, подкрепленная радостью от путешествия, эйфорией от игры и алкоголем, формирует уникальный коллективный опыт, для которого характерно, например, распевание “гимнов” сборной — песен “Keep St. George in my Heart”, “Rule Britannia”, “God Save the Queen”, “En-ger-land”, “Vindaloo” и пр. Массовое пение для поднятия боевого духа было распространено во время Первой и Второй мировых войн (гимны, строевые песни), оно прочно вошло в обиход англичан в период расцвета британской поп-музыки в 1960-е годы. Некоторые авторы пишут о прямой связи между местными поп-музыкантами и городскими футбольными клубами (Williams et al. 2000). Несмотря на то что задача таких песен — чествование команды, демонстрация фанатской поддержки и выражение эйфории (в связи с освобождением от работы и семейной жизни, от жен, социальных регуляторов и ограничений), именно они могут провоцировать злобу и враждебность как внутри групп приезжих, так и в среде местных фанатов. Вкупе с оккупацией баров в центре города, разнузданным поведением, демонстрацией национальных флагов и настойчивой агитацией это накаляет атмосферу и на стадионах, приводит к агрессии со стороны хозяев чемпионата, т.к. уязвляет их патриотические чувства.

По нашему глубокому убеждению, оскорбления, в большинстве спонтанные, представляют собой фрагмент декораций (некий ритуальный гобелен) конкурентной перепалки; они лежат не в плоскости рационализованного, идеологизированного конфликта, а, скорее, репрезентуют область, в которой расовые и национальные стереотипы могут быть “сыграны” против определенного футбольного “врага”. Фанатов при этом объединяет специфический, понятный “своим” юмор, коллективное осмеяние противника вообще. Однако, несмотря на то что болельщикам приписывают английский национализм, такой перформанс зачастую связан не с собственно ксенофобией, а с попыткой защититься от агрессии других фанатов, оправдать прилипшее к ним клеймо “хулиганов”, с желанием “позадираться” и ритуально поучаствовать в различных “мужских играх”. В самом фанатском сообществе развита культура товарищества, взаимовыручки и социальной открытости. Всеми признается, что во время поддержки сборной за пределами страны англичане готовы забыть о некоторых социальных различиях, они максимально дружелюбны, способны выслушать, понять и помочь (для большей наглядности приведем сравнение: что для русского поезд дальнего следования, то для англичанина

футбольный стадион или спортивный бар за пределами родины). В самой Англии, даже в пабах, это почти невозможно.

Болельщик “Манчестер Сити” Дж. Клоун – типичный английский фанат. Он служил в британской армии; больше 25 лет поддерживает сборную и посетил (до 2016 г.) более 90 игр с ее участием. Он стал болельщиком еще мальчишкой; до сих пор с ностальгией и гордостью вспоминает свой первый матч: «Англия и Португалия, 0:0, “Уэмбли”, билет стоил 1,2 фунта, все время стоял. Евро чемпионат...» (ПМА 43: Дж. Клоун). Одним из самых значимых признаков уважаемого им поведения фаната сборной Англии является демонстрация привязанности к символам команды и игрокам. Любые антипатии очень рационализированы. К примеру, об игроке ямайского происхождения Дж. Барнсе (J. Barnes) он говорит:

Я его временами ненавижу. И не из-за его цвета кожи... Да, он родился на Ямайке, но и англичанином не стал. У него нет настоящей страсти защищать то, что мне дорого, он не чувствует нашего духа, ему все равно. Он любимчик менеджеров, но игра для него ничто. Он играет не так, как англичане, – он просто обманывает, обводит других игроков, выводит мяч за пределы поля, ведет себя как сука – и так в большинстве матчей. Неблагородно... (ПМА 43: Дж. Клоун).

Но в то же время такого рода оценки не означают исключения черных игроков из числа претендентов на “национальный символ” или “символ идентичности”. Во время кубка 1998 г. во Франции чернокожий футболист А. Райт (A. Wright) шеголял с английским флагом на плечах. Его запечатали многие СМИ и использовали этот факт как повод для критики английского национализма. Фанаты данную “акцию” встретили благосклонно, тем более что в конце 1990-х годов как раз и появилась мода на ношение “Сент-Джорджа” и массовое “развешивание флагов” (Bragg 2008: 90). Получается, черные игроки могут заимствовать отдельные элементы националистической инклюзии, например, соответствия установленным белыми фанатами “маркерам” приверженности всему национальному.

Таким образом, зачастую нет баталий и собственно ксенофобии, а есть достаточно большие (постоянно перемешивающиеся) группы молодых людей, наслаждающихся компанией друг друга, свободой от всего (в т.ч. от толерантности), путешествием как разрушением любых границ, восторгом от причастности к большой исторической общности – Англии. В условиях тотальной регламентации жизни (строгость закона, установка на сдержанность, камеры слежения и пр.) и социальной замкнутости футбол с его групповым экстазом, околосредневековым поведением, алкогольной несдержанностью становится способом сублимации социальной напряженности. Дж. Смит во время просмотра новости о преступнике, застрелившем 28 человек, а затем убившем себя, сказал: “Этого бы никогда не случилось, если бы он чаще ходил на футбол” (ПМА 3: Дж. Смит).

Север versus Юг, или спорт–регион–клуб

Некоторые исследователи уверены, что идентичность Севера и его взаимоотношения с Лондоном и Юго-Востоком – вопросы не слишком актуальные для Британии сегодня (Barker 1998). Однако такие авторы, как П. Тайлор, убеждены, что вопрос места и репрезентации Севера в национальном культурном наследии является актуальным и малоизученным, особенно в условиях деволюции и регионализации (Taylor 1993: 147). Ряд северных общественных активистов склонны рассматривать взаимоотношения Севера и Юга в рамках колониального дискурса с употреблением понятий “метрополия”, “колонизация Севера” (Osmond 1988: 54). По нашему мнению, Лондон и другие территории “метрополии” по праву можно считать *Другим* для Севера, во взаимодействии с которым рождается его идентичность. Каким образом спортивные клубы ритуализируют

общину и презентуют локальность? Как это связано с пресловутым “разделением Севера и Юга”? Попытаемся ответить на эти вопросы в данном разделе.

Северная Англия – понятие скорее географическое и культурное, чем административное. В ее состав входят одни из самых “выразительных” в отношении идентичности регионы страны – Северо-Восточная Англия, Йоркшир и Хамбер и Северо-Западная Англия. Северная Англия обладает и выраженным политическим самосознанием: в 1990–2000-е годы здесь предпринимались попытки создания собственных ассамблей (“тихая регионализация Севера”; см.: Jones 2002: 201).

Северная Англия – вотчина стремительной индустриализации XVIII–XIX вв. и деиндустриализации XX в., что и предопределило ее культурное и экономическое своеобразие. Здесь исторически сформировались мощный пласт пролетариата с развитым ощущением общности и очень небольшая, по сравнению с Югом, прослойка среднего класса. В 1980–2000-е годы развитие *hi-tec*-технологий на Юге способствовало росту его благосостояния, в то время как упадок производства и смещение акцента в сторону сферы услуг на Севере привели к потере его независимости и резкому падению экономических показателей (Jewell 1994: 37–38). Зарождающееся в 1980-х годах в Северной Англии деволуционное движение получило дополнительный импульс в результате положительных изменений в некоторых ее городах (Ливерпуле, Манчестере и др.), поддержку которых оказывали ЕС, США и Британское правительство (Ehland 2007: 3–4).

Если северяне склонны романтически оценивать Север (“гонимую, но любимую родину”; ПМА 3: Дж. Смит), то для южан он “означает пустоши, почти арктические температуры, бобовую кашу и культурные пустыни с ограниченными возможностями шопинга, населенные агрессивными тролями” (Макоуни 2010: 12–13). Для тех и других идентичность Севера остается недопонятым и даже загадочным феноменом. Иллюстрируют данную ситуацию размышления Э. Криссела, профессора Университета Сандерленда, лондонца по происхождению:

В 1980-е гг. я, как и сотни других молодых людей с Юга среднего класса, не имеющих корней, искал себя в ассоциации с пролетарским, небелым Севером (для того времени это было своего рода социологическим клише). Для такого, как я (рожденного на юге в благополучном небольшом городке), Север репрезентировал некую самобытность, настоящую жизнь, различие, культуру рабочего класса. Безусловно, за последние 30 лет Север очень изменился. Сейчас это множество проблем и неурядиц, край футбольного хулиганизма. Живя здесь, остро чувствуешь отличие этого региона от Южной Англии. Южный акцент и культурные связи Юга так просто не выбросишь. Несмотря ни на что, я продолжаю болеть за лондонский футбольный клуб и свою крикетную команду. И в случае, если кто-то из северян нелестно отзывается о Юге, меня всегда это раздражает. В целом это, конечно, не другая нация, но, несомненно, совершенно особое место (Интервью с Э. Крисселом).

На севере Англии в 1980–1990-е годы для белого населения футбол имел особое значение как некая консолидирующая структура, пришедшая на смену заводам и шахтам. Сегодня стадион является площадкой для обсуждения классовых проблем и выражения региональных ценностей. С 1940-х годов и по настоящее время исследователи говорят о подъеме локальных и региональных спортивных идентичностей, что связано с объединяющими факторами: развитием массмедиа и экономической депрессией Северной Англии 1980–1990-х годов (Russell 2004: 236–240). В центре нашего внимания противостояние Манчестера и Ливерпуля, Йорка и Лидса, Сандерленда и Ньюкасла.

Характеризуя английскую спортивную историю в контексте регионализма, нужно отметить, что спортивные инициативы и игры, если и не зарождались на Юге, то прочно там обосновывались. Э. Харви пишет, что “любительский” и “уличный” футбол был распространен по всей стране, однако “профессиональный” футбол (с игрой по правилам ассоциации) оформился именно в Лондоне и его предместьях в 1860–1880-е годы (Harvey 2001). Т. Мэйсон указывает, что зрелищные командные виды спорта, предполагающие

массовые “разгульные” развлечения, больше соответствовали пролетарскому духу северян, и “даже если организованный футбол и не был изобретен на Севере, как массовое зрелище он сложился именно там” (Mason 1996: 45). На долю Северной Англии (7 графств) приходится (начиная с 1970-х годов) около 35% английских клубов, а в 2002–2016 гг. – 50% клубов Премьер-лиги. Успехи на футбольных площадках страны вселяли уверенность в то, что Север остается ключевым игроком на арене общественной жизни (Bragg 2008: 90).

Спортивные достижения и культура Северной Англии широко известны не только в Британии, но и в мире. Однако спорт не всегда играет положительную роль в формировании образа Севера; существует множество предубеждений относительно “паломничества” северных фанатов в Лондон – особенно ливерпульцев, которых с 1980-х годов характеризуют как “неотесанных, грубых, агрессивных мужланов” (ПМА 12: Г. Чант). Таким образом, Ливерпуль, рассчитывающий на экономические инвестиции и приток рабочей силы, с его сильным кельтским наследием, интенсивной портовой жизнью и пр., представляющий тип идентичности, основанный на кипучей деятельности, космополитизме, нонконформизме, сюрреалистичном чувстве юмора, предстает по вине фанатов городом пьяниц и дебоширов, непривлекательным для иммиграции и вложений (Kelner 1996: 81).

Одной из центральных составляющих североанглийскости является вера в то, что северная спортивная культура основана на сильной любви к состязаниям, высокой осведомленности о спорте и желании продемонстрировать лояльность по отношению к своей команде. Болельщик клуба “Сандерленд” утверждает, что “Северо-Восток сосредоточен на победе” и “никогда не встретишь более осведомленных фанатов, чем сандерлендцы”, приверженцы “Ньюкасла” говорят об “особой воле к победе”, манчестерцы – о том, что в футболе “только или пан, или пропал” (ПМА 17: Д. Валенте; ПМА 21: П. Бентон; ПМА 32: Т. Флетчер). Благодаря противостоянию клубов и болельщиков взаимные прозвища могут переходить в категорию этнонимов, например, “такемы” – сандерлендцы или “макемы” – уроженцы Ньюкасла (Griffiths 2008: 3; ПМА 32: К. Портер; Интервью с К. Портером).

Жители небольшого городка, как правило, массово увлекаются одним видом спорта, содержат клуб и стадион, зачастую являющиеся “визитной карточкой” этого городка. Стадион выступает своего рода сакральным пространством, а в случае “Олд Траффорд” в Манчестере – еще и “местом, где рождаются легенды” (ПМА 32: К. Портер; Интервью с К. Портером). Сандерленд – небольшой городок Северо-Востока (118 тыс. жителей), но его стадиону на 49 тыс. зрителей могут позавидовать российские города-миллионники (Census 2011). “Стадион Света” (*Stadium of Light*) построен на месте бывшего угольного карьера (“что довольно символично”; ПМА 1: Л. Хоппер; Сайт ФК “Сандерленд”). В доме рядового сандерлендца непременно выставлены спортивные награды и тематические сувениры, большая часть ТВ-закладок – спортивные каналы. Жители Севера сетуют на то, что сегодня футбол в Англии это уже не столько игра, сколько большой бизнес. Однако, как сказал один из информантов, “когда дело доходит до футбола или регби, мы готовы снять последние штаны” (ПМА 29: Л. Хэннон).

Спортивная история Севера развивается зачастую в маскулинных категориях – как в национальном масштабе (противопоставление маскулинной культуры “северных обезьян” и более феминной “южных феечек”), так и в региональном. Спорт исторически являлся частью идентичности мужского населения, указывает Х. Тэйлор: “Даже животных в спорте поддерживают больше, чем женщин” (Taylor 1992: 120–121). Северо-Восток, к примеру, всегда воспринимался территорией изнурительного физического труда, символом которого с середины XIX в. и до конца XX в. был труженик и добытчик мужчина-угольщик. Несмотря на то что женщины выполняли те же работы, маскулинная модель идентичности господствует здесь до сих пор (Kirk 2000).

Рис. 1. “Стадион Света”, Сандерленд, 2012 г. (Фото Д.Н. Караваевой).

Сегодня в силу процессов эмансипации, в т.ч. и в спорте, у спортивных идентичностей есть и женское лицо. Более того, спортсменки зачастую символизируют северный характер (напр., велогонщица Берил Бертон; *Gladstone* 2010: 22–23). Распространено мнение, что факт явственного присутствия физического контакта в северном спорте связан с культурой ежедневного тяжелого физического труда; “ценность умений игроков многократно возрастает, если это совмещается с умением физически за себя постоять” (ПМА 7: Л. Килвингтон). Данное явление Х. Тэйлор обозначил “культом агрессии северян” (*Taylor* 1992: 130). На Севере спорт является и частью семейной культуры. Для иллюстрации процитируем болельщика из Сандерленда: “Клуб сегодня не слишком успешен, и билеты дорогостоящи, но каждую субботу мы все идем на игру. Вы родились в семье, где на протяжении многих поколений болели за одну команду; возможно, эта информация должна присутствовать в паспорте” (ПМА 1: Дж. Амбри).

Локальная идентичность, определяемая ярко выраженной самоидентификацией индивидуума с местом (деревней, городом), где он родился, проживал или с которым был тесно связан, является одной из сильнейших территориальных коллективных лояльностей. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что локальные спортивные сообщества следят чаще за соревнованиями с участием местных спортсменов (носителей региональной мифологии, напр., атлетов из Северо-Восточной Англии Б. Фостера или С. Крэма). Игрокам, которые ведут переговоры с представителями других клубов, куда могут перейти (читай – на сторону противника), достается наибольшее количество насмешек. Средством выражения идентичности становятся путешествия фанатов в Лондон на выездные матчи своего клуба. Активная демонстрация символов региона и команды, акцент на диалектную речь и пр. – все это является способом “нанесения на карту” своей территории и выражения презрения к “метрополии”: “Мы вспоминаем в эти минуты, кто мы такие и что нам есть чем гордиться”. Тем не менее принципиального антагонизма в отношениях с Югом у северян нет: фанаты путешествуют в Лондон, чтобы в т.ч.

Рис. 2. Фанаты ФК “Сандерленд”. Сандерленд, 2012 г. (Фото Д.Н. Караваевой).

“приобщиться к культуре столицы и нации” (ПМА 24: Дж. Свэйн; см. также *Hill* 1996: 87–93).

Локальные сообщества придают большое значение достижениям местной команды, но при определенных обстоятельствах могут радоваться и выигрышам клубов-соседей, воспринимающимся как региональный успех (сандерлендцы искренне ликуют по поводу победы соседнего “Ньюкасла” над лондонским “Челси”, хотя “Сандерленд” и “Ньюкасл” исторически являются соперниками) (ПМА 28, 29). Даже в Ливерпуле, городе (ставшем благодаря своему географическому положению транзитным узлом) с иной, чем в других частях Ланкашира, идентичностью прослеживается тенденция поддержки “спортивной семьи” всего графства, если речь идет о победах его команд над командами других северных и особенно южных графств. Например, в 2011 г. после ряда успехов в разных видах спорта ливерпулец восклицал: “Хайль Ланкашир! Еще никогда Ланкашир не был так успешен в спорте... лучшее место для жизни – Ланкашир” (ПМА 23: Д. Кларк).

В спорте сложно реализовывать собственную локальную идентичность “первого уровня” (уровня деревни/городка), т.к. небольшие сообщества не могут содержать хорошие команды. Большинство “примыкает” к субрегиональному клубу. Так, жители Саут-Шилдса близ Сандерленда, как правило, поддерживают “Сандерленд ФК”. В этом случае локальная идентичность “первого уровня” дополняется идентичностью “второго уровня”, а спорт становится одним из шлюзов, их соединяющих, создающих условия для формирования более широкой региональной или субрегиональной идентичности. Б. Ланкастер в своем исследовании показал, как поддержка футбольного клуба “Ньюкасл Юнайтед” на рубеже XIX–XX вв. способствовала росту самосознания и самоидентификации шахтеров Восточного Нортумберленда как “жителей единого Северо-Востока, а не обитателей разрозненных шахтерских поселков” (*Lancaster* 2005: 53–70).

Спорт сегодня становится социальным лифтом и способом конструирования новой иерархии. Престиж профессии “спортсмен” в обществе очень высок, и игроки, вышедшие из локальных клубов, могут восприниматься местным сообществом как герои своего времени, сумевшие благодаря таланту и чертам характера (в глазах локальных

сообществ – “истинно” йоркширским, ньюкаслским, ливерпульским и пр.) добиться высшего признания¹. Именно так случилось с сэром Р. Робсоном (о спортсмене см.: *Harris* 2004), одним из известнейших игроков и тренеров, получившим рыцарский титул и вошедшим в Зал славы английского футбола², или со знаменитым полузащитником “Манчестер Юнайтед” сэром Р. Чарльтоном – кумиром нескольких поколений жителей Северо-Запада. Среди выдающихся манчестерцев (даже те, кто далек от футбола и фанатской культуры) называют и игроков “Манчестер Юнайтед” Д. Лоу и Дж. Беста (ПМА 32: П. Анурад, А. Макдональд), памятник которым установлен возле знаменитого “Театра Мечты” – манчестерского стадиона “Олд Траффорд”.

До 1960-х годов футболисты не могли быть отнесены к тем знаменитостям, которых сегодня принято называть “звездами” (с оторванностью от своих локальных корней, нескромным образом жизни и пр.), но с начала 1970-х годов разрыв между игроками и болельщиками стал увеличиваться.

Со спортом связано и противостояние Севера и Юга, например, по поводу лондонского стадиона “Уэмбли”. Большая часть столичных команд, по мнению северян “этого не заслуживающих” и “способных только создавать холодную атмосферу” (ПМА 17: Д. Валенте), проводили домашние матчи на нем. В 1990-е годы в обществе возникли дебаты по поводу переноса национального стадиона, например, в Ливерпуль, где при строительстве спортивной арены можно было бы предусмотреть большее количество зрительских мест. Решение оставить в этом качестве реконструированный “Уэмбли” лишь закрепило разделение Севера и Юга (*Hill, Williams* 1996).

Это противостояние заметно и на уровне национальной команды. Как заявлял один из информантов, сборная, базирующаяся в Лондоне, неизбежно ассоциируется с Югом и правительством, “при попустительстве и целенаправленной политике которого северная экономика пришла в упадок”; «молодые фанаты Ньюкасла демонстрируют равнодушные и показательное игнорирование национального футбола и “их” сборной Англии» (ПМА 1: Р. Джьюит). Завсегдагата паба Сандерленда сказал: “Истинная страсть англичан к футболу проявляется на уровне клубов. Сборная деградирует... это заполнили предприниматели, спонсоры, они интересуются только выгодой...” (ПМА 17: Дж. Кларксон).

Футбольная культура является лакмусом и языковых стереотипов. Диалекты – ключевая мишень клише, связанных с регионом. Они и источник культурного наследия, и основной маркер идентичности. Исторически приверженность к собственному диалекту была символом культурной отсталости и социального неравенства (на нем говорили, как правило, представители рабочего класса). С 1960-х годов и особенно в 1990–2000-е годы его употребление все чаще расценивается как проявление патриотизма. Публичные персоны, в т.ч. футболисты, все чаще говорят на диалекте, считая его частью своей культуры (*Trudgill* 1990: 44–46). Некоторые авторы (Х. Джюэл) уверены, что проблема, связанная с попытками исключения диалекта из желательного пространства, особенно характерна для Северной Англии. Длительное отождествление Севера с варварством и филистинизмом связывалось в т.ч. с комической и вульгарной манерой речи, полной специфической профессиональной лексики и шотландских, валлийских, ирландских заимствований (*Jewell* 1994: 191). Наряду с ростом регионального самосознания с 1960-х годов диалекты приобретают статус “рупора” идентичности (“национализация диалектов”; *Waller* 1987: 24), становятся инструментом индивидуализации. Дж. Смит говорил о злости, которую он почувствовал, когда в школе Лидса (в 1950-е годы) во время поддержки локальной футбольной команды (распевание речевок на местном диалекте) его остановил тренер из Лондона со словами “прекратите это невнятное бляение” (Интервью с Дж. Смитом).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что спорт создает контекст, при котором размытая и урбанизированная идентичность приходит к новой своей ипостаси путем обращения к чувству локальности, места, принадлежности, как только фанаты пересекают стадионный турникет. В культурологических теориях “локальный” трактуется

как замшелая антитеза современному глобализированному и глобализирующемуся миру (Robbins 1998: 3). В то же время локальная идентичность может рассматриваться как продукт культурных практик и коммеморативных ритуалов. И это не значит, что “символический дом”, коим является стадион для фанатов, – это фантазм. Более того, для англичан это территория воплощения конкретных форм социальной и культурной жизни, имеющих свои ритуалы и способы самовыражения. Другими словами, стадион обеспечивает единый контекст, в котором локальная культура и локальная идентичность могут быть ритуально определены, несмотря на изменения в ближайшем окружении и паттернах миграции.

В этом смысле рост числа чернокожих игроков и реакция англичан на него играют большую роль в понимании экологии культурной игры и идентичности, истории конкретных клубов. Футбольная культура как культура оппозиционная сама производит оппозиции. С одной стороны, футбольный дом чрезвычайно открыт и терпим по отношению ко всем расам и меньшинствам, с другой – очень стандартизован (особенно локальный).

Фанатская культура меньшинств часто придерживается других норм, являясь в некотором смысле альтернативной (Giulianotti 1999; Armstrong 1998). Сюда могут принять или исключить в силу подчас случайных факторов. Р. Муа, британец пакистанского происхождения, житель Олдема в Манчестере, рассказывал, что, хотя и являлся рьяным болельщиком клуба “Манчестер Юнайтед”, предпочитал обходить стороной паб – место сбора его фанатов. Однажды он оказался там вместе с гостившим у него другом: «На мне была футболка и шарф с символикой клуба, и все равно на меня смотрели все как на... паки. Потом все начали распевать “Sailing” Рода Стюарта – как ее поют тут, у нас в Манчестере, и я пел громче всех. Тут подошли ко мне ребята, стали обнимать и предлагать пиво. С тех пор мы вместе частенько болеем за наших в пабе» (ПМА 44: Р. Муа).

Таким образом, спорт в Англии, как правило, в большей степени часть территориальной, локальной, нежели национальной, идентичности, показательные проявления которой, однако, можно наблюдать во время международных выступлений сборной команды. В восприятии себя и своей идентичности у фаната есть три ступени: локальный клуб, регион и нация, где наиболее важной является первая. Развитие спорта и северной идентичности связано не столько с идеями разделения Севера и Юга, сколько с противостоянием “ближнего” и “дальнего” Севера, внутренними прениями и конфликтами между северными графствами, социальными группами, видами спорта и отдельными индивидуумами. Если исторически во главе профессионального спорта (базирувавшегося на Юге) стояли представители среднего класса, индустриальная и торговая элита, то любительский спорт (возникший на Севере) в основе своей был рабочим.

Спортивная культура и коллективная спортивная история во многом являются для Севера заменителем других объединяющих факторов. В построении североанглийской идентичности существует большое число ограничителей; в конкретных ситуациях всегда подразумевается локальное или субрегиональное сообщество (деревня, город, графство, регион Севера).

И пускай футбол не отвечает на множество вопросов об английскости или североанглийскости, но рассмотрение их спортивного измерения подчеркивает многослойность, многовариантность идентичности. Однозначно определить английскость мы не можем, но можем констатировать, что английская идентичность существует и она работает.

Примечания

¹ И если на Юге истории о “футболистах-нуворишах”, выкупивших старинные поместья и замки и модернизовавших их территории, воспринимаются, как правило, негативно (в первую очередь из-за их “плебейских вкусов”, посягательства на традицию и власть), то на Севере это зачастую является примером того, “как надо жить” и “мстить южанам и аристократам” (ПМА 34: Э. Квили).

² “Зал славы английского футбола” – экспозиция, посвященная истории и достижениям английского футбола, находящаяся в Национальном футбольном музее в Манчестере. Церемонию включения новых членов в Зал местные обозреватели сравнивают с церемонией вручения премии “Оскар” (Galvin 2011).

Источники и материалы

Интервью с К. Портером – Интервью со специалистом по культурным исследованиям спорта, лектором Университета Манчестер Метрополитан К. Портером. Манчестер. 06.07.12 // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 2. Л. 9.

Интервью с Дж. Смитом – Интервью с учителем истории частной школы г. Дарем Дж. Смитом. Дарем. 20.06.10 // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 5.

Интервью с Э. Крисселом – Интервью с профессором Лондонской высшей школы экономики и Университета Сандерленда, культурологом, специалистом по медиа Британии Э. Крисселом. Сандерленд. 05.06.10 // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 6.

ПМА 1 – Полевые материалы экспедиции автора в Сандерленд, Северо-Восточная Англия, Великобритания, июнь 2010 г. (информанты: Л. Хоппер, Р. Джьюит, Дж. Амбри) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 1.

ПМА 3 – Полевые материалы экспедиции автора в Дарем, Северо-Восточная Англия, июнь 2010 г. (информант: Дж. Смит) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 3.

ПМА 7 – Полевые материалы экспедиции автора в Лидс, Йоркшир и Хамбер, Великобритания, июнь 2010 г. (информант: Д. Килвингтон) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 7.

ПМА 12 – Полевые материалы экспедиции автора в Эймсбери, Юго-Западная Англия, Великобритания, июль 2010 г. (информант: Г. Чант) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 12.

ПМА 17 – Полевые материалы экспедиции автора в Сандерленд, Северо-Восточная Англия, август 2011 г. (информанты: Д. Валенте, Дж. Кларксон 1964 г.р.) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 17.

ПМА 21 – Полевые материалы экспедиции автора в Ньюкасл-апон-Тайн, Северо-Восточная Англия, Великобритания, август 2011 г. (информант: П. Бентон) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 21.

ПМА 23 – Полевые материалы экспедиции автора в Ливерпуль, Северо-Западная Англия, Великобритания, август 2011 г. (информант: Д. Кларк) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 23.

ПМА 24 – Полевые материалы экспедиции автора в Грейт-Эйтон, Йоркшир и Хамбер, Великобритания, август 2011 г. (информант: Дж. Свэйн) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 24.

ПМА 28 – Полевые материалы экспедиции автора в Сандерленд, Северо-Восточная Англия, Великобритания, июль 2012 г. (информанты: П. Додс, Дж. Стори, А. Уэлш, Б. Плэйс) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 28.

ПМА 29 – Полевые материалы экспедиции автора в Ньюкасл-апон-Тайн, Северо-Восточная Англия, Великобритания, июль 2012 г. (информанты: П. Бентон, Д. Леверс, Дж. Сторей, Л. Хэннон) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 29.

ПМА 32 – Полевые материалы экспедиции автора в Манчестер, Северо-Западная Англия, Великобритания, июль 2012 г. (информанты: исследователь К. Портер, П. Аномуд, Т. Флетчер, А. Макдональд) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 32.

ПМА 34 – Полевые материалы экспедиции автора в Салфорд, Северо-Западная Англия, Великобритания, июль 2012 г. (информант: Э. Квили) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 34.

ПМА 43 – Полевые материалы экспедиции автора в Манчестер, Северо-Западная Англия, май 2015 г. (информант: Дж. Клоун) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 43.

ПМА 44 – Полевые материалы экспедиции автора в Манчестер, Северо-Западная Англия, Великобритания, май 2015 г. (информант: Р. Муа) // Архив ИИиА УрО РАН. Ф. 1. А. 1. Л. 44.

Сайт ФК “Сандерленд” – Сайт футбольного клуба “Сандерленд”. [http://www.safc.com/Barker P. Cloth Caps and Chops It isn't?](http://www.safc.com/Barker_P_Cloth_Caps_and_Chops_It_isn't?) // New Statesman. 09.01.1998. P. 54.

- Census 2011 – Census 2011. Office for National Statistics. <http://ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/index.html>
- FIFA Big Count 2006 – FIFA Big Count 2006: 270 Million People Active in Football // FIFA Communication Division. 2007. May. http://fifa.com/mm/document/fifafacts/bcoffsurv/bigcount.statspackage_7024.pdf
- Gladstone* 2010 – *Gladstone H.* Beryl Burton: British Legend // *Cycling Weekly*. 2010, February. P. 22–23.
- Powell* 2000 – *Powell J.* We've Sold Our Birthright Down the Fjord to a Nation of Seven Million Skiers and Hammer Throwers Who Spend Half Their Lives in Darkness // *Daily Mail*. 01 November 2000. P. 93. <http://dailymail.co.uk/columnists/article-230935/Weve-sold-birthright-fjord-nation-seven-million-skiers-hammer-throwers-spend-half-lives-darkness.html>
- Ticher* 1997 – *Ticher M.* When in Rome... // *When Saturday Comes*. 1997. December. <http://www.wsc.co.uk/the-archive/917-International-football/6302-when-in-rome>
- Wallace* 2010 – *Wallace S.* I Promise Not to Let England Down, Rooney Tells Capello // *Independent*. 7 September 2010. P. 3.

Научная литература

- Абдулкаримов С.А.* Агрессивность в спорте сквозь призму истории и культурных традиций // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2006. Т. 9. № 3. С. 146–147.
- Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.
- Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
- Кон И.С.* В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
- Макоуни С.* Гонор и предубеждение. Реальная Англия – здесь и сейчас. М.: Эксмо, 2010.
- Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Филиппова Е.И.* Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ “Росинформротех”, 2010.
- Amstrong G.* *Football Hooligans: Knowing the Score*. Oxford: Berg, 1998.
- Back L., Crabbe T., Solomos J.* *The Changing Face of Football. Racism, Identity and Multiculture in the English Game*. Oxford: Berg, 2001.
- Berger J.* *And Our Faces, My Heart, Brief as Photos*. N.Y.: Vintage Books, 1991.
- Bolin A., Granskog J.* (eds.) *Athletic Intruders: Ethnographic Research on Women, Culture and Exercise*. N.Y.: Albany, 2003.
- Bragg B.* *New Traditions for an Old Country // Imagined Nation: England after Britain / Ed.M. Perryman*. L.: Lawrence & Wishart, 2008. P. 86–91.
- Brimson D.* *Barmy Army: The Changing Face of Football Violence*. L.: Headline Book Publishing, 2000.
- Bromberger C., Hayot A., Mariottini J.-M.* *Fireworks and the Ass // Passion and Fashion: Football Fandom in the New Europe / Ed.S. Redhead*. Aldershot: Avebury, 1993. P. 85–116.
- Brown A.* (ed.) *Fanatics! Power, Identity and Fandom in Football*. L.: Routledge Back, 1998.
- Ehland Ch.* *Introduction // Thinking Northern: Textures of Identity in the North of England / Ed. Ch. Ehland*. Amsterdam: Editions Rodopi B.V., 2007. P. 1–15.
- Elias N., Dunning E.* *Folk Football in Medieval and Early Modern Britain // Sport: Readings from a Sociological Perspective / Ed.E. Dunning*. Toronto: University of Toronto Press, 1972. P. 82–107.
- Galvin R.* *The Football Hall of Fame: The Ultimate Guide to the Greatest Footballing Legends of All Time*. Manchester: National Football Museum, Portico, 2011.
- Giulianotti R.* *Football: A Sociology of the Global Game*. Cambridge: Polity, 1999.
- Griffiths B.* *Fishing and Folk: Life and Dialect on the North Sea Coast*. Newcastle: Northumbria University Press, 2008.
- Harris B.* *Sir Bobby Robson: Living the Game*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2004.
- Harvey A.* *Football in Sheffield and the Creation of Modern Soccer and Rugby // International Journal of the History of Sport*. 2001. Vol. 18 (4). P. 53–87.

- Hill J.* Rites of Spring: Cup Finals and Community in the North of England // Sport and Identity in the North of England / Eds. J. Hill, J. Williams. Keele: Keele University Press, 1996. P. 87–93.
- Hill J., Williams J.* (eds.) Sport and Identity in the North of England. Keele: Keele University Press, 1996.
- Hobsbawm E.* Nations and Nationalism Since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Holt R.* Sport and the British. A Modern History. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Jewell H.* The North-South Divide. The Origins of Northern Consciousness in England. Manchester: Manchester University Press, 1994.
- Jones P.* Barnett Plus Needs: The Regional Spending Challenge in Britain // England: The State of the Regions / Eds. J. Tomaney, J. Mawson. Bristol: Policy Press, 2002. P. 187–206.
- Kelner S.* To Jerusalem and Back. L.: Macmillan, 1996.
- Lancaster B.* Newcastle-Capital of What? // Geordies: Roots of Regionalism / Eds. R. Colls, B. Lancaster. Newcastle: Northumbria University Press, 2005. P. 53–70.
- Mason T.* Football, Sport of the North? // Sport and Identity in the North of England / Eds. J. Hill, J. Williams. Keele: Keele University Press, 1996. P. 41–52.
- Mills C.* The Sociological Imagination. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Millward P., Poulton G.* Football Fandom, Mobilization and Herbert Blumer: A Social Movement Analysis of F.C. United of Manchester // Sociology of Sport Journal. 2014. Vol. 31 (1). P. 1–22.
- Kirk N.* (ed.) Northern Identities: Historical Interpretations of “The North” and “Northernness”. Aldershot: Ashgate Publishing, 2000.
- Osmond J.* The Divided Kingdom. L.: Constable, 1988.
- Perryman M.* (ed.) The Ingerland Factor: Home Truths from Football. Edinburgh: Mainstream, 1999.
- Perryman M.* Becoming England // Imagined Nation: England after Britain / Ed. M. Perryman. L.: Lawrence & Wishart, 2008. P. 13–34.
- Robbins B.* Introduction Part I: Actually Existing Cosmopolitanism // Cosmopolitanism / Eds. B. Robbins, Ph. Cheah. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. P. 1–19.
- Robson G.* “No One Likes Us, We Don’t Care”: The Myth and Reality of Millwall Fandom. Oxford: Berg, 2000.
- Royle E.* Issues of Regional Identity: In Honour of John Marshall / Ed. E. Royle. Manchester: Manchester University Press, St. Martin’s Press, 1998.
- Rumford C., Wagg S.* (eds.) Cricket and Globalization. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2010.
- Russell D.* Looking North: Northern England and the National Imagination. Manchester: Manchester University Press, Palgrave, 2004.
- Sternhell Z.* Maurice Barrès et le Nationalisme Français. Bruxelles: Complexe, 1985.
- Taylor H.* Sporting Heroes // Geordies: Roots of Regionalism / Eds. R. Colls, B. Lancaster. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1992. P. 115–132.
- Taylor P.J.* The Meaning of the North: England’s “Foreign Countries” Within? // Political Geography. 1993. Vol. 12. P. 136–155.
- Thrills A.* You’re not Singing Anymore: A Riotous Celebration of Football Chants and the Culture that Spawned Them. L.: Ebury Press, 1998.
- Trudgill P.* The Dialects of England. Cambridge: Basil Blackwell, 1990.
- Tuan Y.-F.* Space and Place: Humanistic Perspective // Human Geography. An Essential Anthology / Eds. J. Agnew, D.N. Livingstone, A. Rogers. Oxford: Blackwell, 1996. P. 444–457.
- Wagg S.* (ed.) Cricket and National Identity in Postcolonial Age: Following On. L.: Routledge, 2008.
- Waller P.J.* Democracy and Dialect, Speech and Class // Politics and Social Change in Modern Britain / Ed. P.J. Waller. Brighton: Harvester, 1987. P. 1–33.
- Williams J., Long C., Hopkins S.* Passing Rhythms: Football. Music and Popular Culture in Liverpool. Oxford: Berg Publishers, 2000.
- Wright C.* Conserving Purity, Labouring the Past: A Tropological Evolution of Englishness // Empire and After: Englishness in Postcolonial Perspective / Eds. G. MacPhee, P. Poddar. N.Y.: Berghahn Books, 2007. P. 159–180.

Research Article

Karavaeva, D.N. Football: The Identities of England and Northern England [Futbol: identichnosti Anglii i eio Severa]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 2, pp. 25–43. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Dina N. Karavaeva | <http://orcid.org/0000-0002-3876-0975> | dina.karavaeva@bk.ru | Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16 Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620990, Russia)

Keywords:

Northern England, Englishness, identity, nationalism, sports, football, fan culture, football hooliganism

Abstract:

The article presents the results of historical-anthropological research on the discourse of English identity in its national, regional, and local representations with a focus on the identity of English northerners. The goal of the article is to understand how the sport and the fan culture ritualize community and represent the identity, what the quality and essence of the affective community is, and how it all relates to the issues of locality, race, and nationality. The study is drawn on the author's field research conducted in 2010–2016 as well as on other textual and visual sources.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Foundation for Humanities, <https://doi.org/10.13039/100009094> [grant 16-31-01106]

DOI: 10.7868/S0869541518020033

References

- Abdulkarimov, S.A. 2006. Agressivnost' v sporte skvoz' prizmu istorii i kul'turnykh traditsii [Aggressiveness in Sport through the Prism of History and Cultural Traditions]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 9 (3): 146–147.
- Armstrong, G. 1998. *Football Hooligans: Knowing the Score*. Oxford: Berg.
- Back, L., T. Crabbe, and J. Solomos. 2001. *The Changing Face of Football. Racism, Identity and Multiculture in the English Game*. Oxford: Berg.
- Berger, J. 1991. *And Our Faces, My Heart, Brief as Photos*. New York: Vintage Books.
- Bolin, A., and J. Granskog, eds. 2003. *Athletic Intruders: Ethnographic Research on Women, Culture and Exercise*. New York: Albany, 2003.
- Bragg, B. 2008. New Traditions for an Old Country. In *Imagined Nation: England after Britain*, edited by M. Perryman, 86–91. London: Lawrence & Wishart.
- Brimson, D. 2000. *Barmy Army: The Changing Face of Football Violence*. London: Headline Book Publishing.
- Bromberger, C., A. Hayot, and J.-M. Mariottini. 1993. Fireworks and the Ass. In *Passion and Fashion: Football Fandom in the New Europe*, edited by S. Redhead, 85–116. Aldershot: Avebury.
- Brown, A., ed. 1998. *Fanatics! Power, Identity and Fandom in Football*. London: Routledge Back.
- Ehland, Ch. 2007. Introduction. In *Thinking Northern: Textures of Identity in the North of England*, edited by Ch. Ehland, 1–15. Amsterdam: Editions Rodopi B.V.
- Filippova, E.I. 2010. *Territorii identichnosti v sovremennoi Frantsii* [Territories of Identity in Modern France]. Moscow: FGNU "Rosinformagrotech".
- Elias, N., and E. Dunning. 1972. Folk Football in Medieval and Early Modern Britain. In *Sport: Readings from a Sociological Perspective*, edited by E. Dunning, 82–107. Toronto: University of Toronto Press.
- Galvin, R. 2011. *The Football Hall of Fame: The Ultimate Guide to the Greatest Footballing Legends of All Time*. Manchester: National Football Museum, Portico.
- Giulianotti, R. 1999. *Football: A Sociology of the Global Game*. Cambridge: Polity.

- Griffiths, B. 2008. *Fishing and Folk: Life and Dialect on the North Sea Coast*. Newcastle: Northumbria University Press.
- Guboglo, M.N. 2003. *Identifikatsiia identichnosti: etnosotsiologicheskie ocherki* [Identification of Identity: Ethnosociological Essays]. Moscow: Nauka.
- Harris, B. 2004. *Sir Bobby Robson: Living the Game*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Harvey, A. 2001. Football in Sheffield and the Creation of Modern Soccer and Rugby. *International Journal of the History of Sport* 18 (4): 53–87.
- Hill, J. 1996. Rites of Spring: Cup Finals and Community in the North of England. In *Sport and Identity in the North of England*, edited by J. Hill and J. Williams, 87–93. Keele: Keele University Press.
- Hill, J., and J. Williams, eds. 1996. *Sport and Identity in the North of England*. Keele: Keele University Press.
- Hobsbawm, E. 1990. *Nations and Nationalism Since 1780. Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Holt, R. 1989. *Sport and the British. A Modern History*. Oxford: Clarendon Press.
- Jewell, H. 1994. *The North-South Divide. The Origins of Northern Consciousness in England*. Manchester: Manchester University Press.
- Jones, P. 2002. Barnett Plus Needs: The Regional Spending Challenge in Britain. In *England: The State of the Regions*, edited by J. Tomaney and J. Mawson, 187–206. Bristol: Policy Press.
- Kelner, S. 1996. *To Jerusalem and Back*. London: Macmillan.
- Kirk, N., ed. 2000. *Northern Identities: Historical Interpretations of “The North” and “Northernness”*. Aldershot: Ashgate Publishing.
- Kon, I.S. 1984. *V poiskakh sebja. Lichnost' i ee samosoznanie* [Search of Yourself. Personality and Belonging]. Moscow: Politizdat.
- Lancaster, B. 2005. Newcastle—Capital of What? In *Geordies: Roots of Regionalism*, edited by R. Colls and B. Lancaster, 53–70. Newcastle: Northumbria University Press.
- Maconie, S. 2010. *Gonor i predubezhdenie. Real'naia Angliia — zdes' i seichas* [Pies and Prejudice in Search of the North]. Moscow: Exmo.
- Mason, T. 1996. Football, Sport of the North? In *Sport and Identity in the North of England*, edited by J. Hill and J. Williams, 41–52. Keele: Keele University Press.
- Mills, C. 2000. *The Sociological Imagination*. Oxford: Oxford University Press.
- Millward, P., and G. Poulton. 2014. Football Fandom, Mobilization and Herbert Blumer: A Social Movement Analysis of F.C. United of Manchester. *Sociology of Sport Journal* 31 (1): 1–22.
- Osmond, J. 1988. *The Divided Kingdom*. London: Constable.
- Perryman, M., ed. 1999. *The Ingerland Factor: Home Truths from Football*. Edinburgh: Mainstream.
- Perryman, M. 2008. Becoming England. In *Imagined Nation: England after Britain*, edited by M. Perryman, 13–34. London: Lawrence & Wishart.
- Robbins, B. 1998. Introduction Part I: Actually Existing Cosmopolitanism. In *Cosmopolitics*, edited by B. Robbins and Ph. Cheah, 1–19. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Robson, G. 2000. *“No One Likes Us, We Don't Care”: The Myth and Reality of Millwall Fandom*. Oxford: Berg.
- Royle E., ed. 1998. *Issues of Regional Identity: In Honour of John Marshall*. Manchester: Manchester University Press, St. Martin's Press.
- Rumford, C. and S. Wagg, eds. 2010. *Cricket and Globalization*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing.
- Russell, D. 2004. *Looking North: Northern England and the National Imagination*. Manchester: Manchester University Press, Palgrave.
- Sternhell, Z. 1985. *Maurice Barrès et le Nationalisme Francais* [Maurice Barrès and French Nationalism]. Bruxelles: Complexe.
- Taylor, H. 1992. Sporting Heroes. In *Geordies: Roots of Regionalism*, edited by R. Colls and B. Lancaster, 115–132. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Taylor, P.J. 1993. The Meaning of the North: England's “Foreign Countries” within? *Political Geography* 12: 136–155.
- Thrills, A. 1998. *You're not Singing Anymore: A Riotous Celebration of Football Chants and the Culture that Spawned Them*. London: Ebury Press.
- Tishkov, V.A. 2013. *Rossiiskii narod: istoriia i smysl natsional'nogo samosoznaniia* [The Russian People: The History and Meaning of National Identity]. Moscow: Nauka.

- Trudgill, P. 1990. *The Dialects of England*. Cambridge: Basil Blackwell.
- Tuan, Y.-F. 1996. Space and Place: Humanistic Perspective. In *Human Geography. An Essential Anthology*, edited by J. Agnew, D.N. Livingstone, and A. Rogers, 444–457. Oxford: Blackwell.
- Wagg, S., ed. 2008. *Cricket and National Identity in Postcolonial Age: Following On*. London: Routledge.
- Waller, P.J. 1987. Democracy and Dialect, Speech and Class. In *Politics and Social Change in Modern Britain*, edited by P.J. Waller, 1–33. Brighton: Harvester.
- Williams, J., C. Long, and S. Hopkins. 2000. *Passing Rhythms: Football. Music and Popular Culture in Liverpool*. Oxford: Berg Publishers.
- Wright, C. 2007. Conserving Purity, Labouring the Past: A Tropological Evolution of Englishness. In *Empire and After: Englishness in Postcolonial Perspective*, edited by G. MacPhee and P. Poddar, 159–180. New York: Berghahn Books.
- Zamiatin, D.N. 2006. *Kul'tura i prostranstvo: modelirovanie geographicheskikh obrazov* [Culture and Space: Modeling of Geographical Images]. Moscow: Znak.